

ЖАН-ДОМИНИК

БОБИ

СКАФАНДР И БАБОЧКА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Жан-Доминик Боби
Скафандр и бабочка

«Издательство АСТ»

1997

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(4Фра)-44

Боби Ж.

Скафандр и бабочка / Ж. Боби — «Издательство АСТ»,
1997 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-156797-2

Книга о мужестве и негибаемой силе духа, способных преодолеть любые трудности. Все планы и надежды Жана-Доминика Боби уничтожил тяжелый инсульт, превративший здорового, преуспевающего мужчину в полного паралитика, запертого в застывшем теле и неспособного не только двигаться, но и дышать самостоятельно. Однако в скафандре немого тела по-прежнему жива трепещущая, чувствующая бабочка души, желающей поведать свою историю...

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-156797-2

© Боби Ж., 1997

© Издательство АСТ, 1997

Содержание

Пролог	6
Кресло	7
Молитва	8
Купание	9
Алфавит	10
Императрица	12
Чинечитта[5]	13
Туристы	14
Колбаса	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Жан-Доминик Боби Скафандр и бабочка

Jean-Dominique Bauby
Le scaphandre et le papillon

© Éditions Robert Laffont, 1997

© Перевод. Н. Световидова, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Посвящаю Теофилю и Селесте и желаю им много бабочек

Огромная благодарность Клод Мандибиль – прочитав эти страницы, вы поймете, что в их написании она сыграла первостепенную роль.

Пролог

Молочно-белый свет за невзрачной полотняной шторой возвещает приближение утра. У меня болят пятки, голова как наковальня, и словно скафандр сжимает все тело. Моя палата потихоньку освобождается от мрака. Я разглядываю фотографии дорогих мне людей, детские рисунки, рекламные плакаты, маленького велосипедиста из жести, присланного накануне приятелем из Рубе, и кронштейн, нависающий над кроватью, в которой я вот уже полгода как обосновался, подобно раку-отшельнику.

Не надо много времени, чтобы сообразить, где я нахожусь, и вспомнить, что моя жизнь резко опрокинулась в пятницу, 8 декабря прошлого года.

До тех пор мне никогда не доводилось слышать о мозговом стволе. В тот день я совершенно неожиданно обнаружил для себя эту основную деталь нашего бортового компьютера, неперенную связующую нить между мозгом и нервными окончаниями, когда сердечно-сосудистое нарушение вывело вышеупомянутый ствол из строя. Прежде это называли кровоизлиянием в мозг и от этого попросту умирали. Развитие реанимационных технологий усовершенствовало кару. Выжить можно, но при этом заполучишь то, что англосаксонская медицина и окрестила как раз *locked-in syndrome*¹: парализованный с головы до ног пациент замурован в собственном теле, он мыслит, но этого не видно, и единственным средством общения становится левый глаз, которым человек может моргать.

Разумеется, главное заинтересованное лицо последним было поставлено в известность о дарованной ему милости. Я получил право на двадцать дней комы и на несколько недель неопределенности, прежде чем действительно смог осознать размеры трагедии. Окончательно я очнулся лишь в конце января, в этой самой палате беркского Морского госпиталя, в окна которого сейчас проникают первые отблески зари.

Это самое обычное утро. Каждые четверть часа, начиная с семи утра, перезвон в часовне отмечает бег времени. После ночной передышки мои забитые бронхи снова начинают шумно работать. Руки, судорожно вцепившиеся в желтую простыню, причиняют мне боль, но при этом я даже не могу определить, горячие они или ледяные. Борясь с анкилозом, я пытаюсь потянуться, заставляя руки и ноги сдвинуться на несколько миллиметров. Зачастую этого довольно, чтобы принести облегчение измученным конечностям.

Скафандр становится менее гнетущим, и разум теперь может порхать как бабочка. Столько всего предстоит сделать. Можно воспарить в пространстве или во времени, отправиться на Огненную Землю или ко двору царя Мидаса. Можно нанести визит любимой женщине, проскользнуть к ней и погладить ее еще сонное лицо. Можно строить воздушные замки, добывать Золотое руно, открывать Атлантиду, воплощать свои детские мечты и взрослые сны. Словом, отвлекаться, чтобы делать передышки. Но главное, мне надо сочинить начало этих путевых заметок неподвижного человека, чтобы быть готовым, когда посланец моего издателя придет записывать их под диктовку, буква за буквой. Мысленно я десять раз перемалываю каждую фразу, убираю слова, добавляю прилагательные и учу свой текст наизусть, параграф за параграфом.

Половина восьмого. Дежурная медсестра прерывает ход моих мыслей. Согласно заведенному порядку, она открывает штору, проверяет трахеостому, капельницу и включает телевизор – скоро выпуск новостей. А пока мультфильм рассказывает историю самой проворной жабы Запада. Что, если мне выразить желание быть превращенным в жабу?

¹ Бодрствующая кома. – (Здесь и далее примеч. перев.)

Кресло

Никогда в своей маленькой палате я не видел столько белых халатов. Медсестры, их помощники, кинезитерапевт, психолог, эрготерапевт, невропатолог, студенты-медики и даже сам руководитель отделения – словом, весь госпиталь собрался ради такого события. Когда они вошли, толкая какое-то сооружение к моей кровати, я было подумал, что явился новый постоялец. Помещенный в Берк несколько недель назад, я с каждым днем понемногу приближался к берегам сознания и все-таки понятия не имел, какая связь может существовать между инвалидным креслом и мной.

Никто ясно не обрисовал мне мое положение, и на основании случайно почерпнутых сведений я преисполнился уверенности, что очень скоро вновь обрету движение и речь. Мой блуждающий разум строил множество планов: путешествие, роман, театральная пьеса и появление в продаже фруктового коктейля моего изобретения. Не спрашивайте у меня рецепта – я его забыл.

Итак, они тотчас одели меня. «Это полезно для настроения», – назидательным тоном сказала невропатолог. И действительно, после госпитальной желтой нейлоновой сорочки я бы с удовольствием вновь облачился в клетчатую рубашку, старые брюки и бесформенный свитер, если бы не кошмар при надевании всего этого. После бесчисленных судорог одежду наконец натянули на дряблое, неповинующееся мне тело, которое лишь заставляло меня страдать.

После подготовки можно было приступить к ритуалу. Два типа схватили меня за ноги и плечи, приподняли с кровати и без особых церемоний водрузили в кресло. Из просто больного я превратился в инвалида, подобно тому, как в корриде *novillero*² сразу становится тореадором. Мне чуть не аплодировали. Меня прокатили по этажу, чтобы проверить, не вызывает ли сидячее положение судорог; я сидел смирно, пытаясь осознать внезапную утрату моих перспектив на будущее. Осталось лишь подложить мне под шею специальную подушку, поскольку моя голова не держалась прямо – как у африканских женщин, с которых сняли пирамиду колец, вытягивающих им шею на протяжении многих лет. «Вы годитесь для кресла», – с улыбкой заявила эрготерапевт, пытаясь придать своим словам видимость хорошей новости, в то время как для меня это являлось приговором. Я вдруг постиг ошеломляющую действительность, столь же потрясающую, как грибовидное облако атомного взрыва, и более острую, чем нож гильотины.

Все ушли, три санитары снова уложили меня, и я подумал о тех гангстерах из детективных фильмов, выбивающихся из сил при попытке засунуть в багажник своей машины труп докучавшего им человека, которого они только что прикончили. Инвалидное кресло осталось в углу, на его темно-синюю пластмассовую спинку была брошена моя одежда. Перед тем как исчез последний белый халат, я подал ему знак потихоньку включить телевизор. Шла передача «Цифры и буквы» – любимая передача моего отца. С самого утра по стеклам непрерывно стучал дождь.

² *Novillero* (исп.) – начинающий матадор.

Молитва

В конечном счете шок от инвалидного кресла был для меня благотворным. Все прояснилось. Я больше не строил фантастических планов и смог освободить от обета молчания своих друзей, которые после случившегося возводили вокруг меня заботливую преграду. Тема перестала быть запретной, и мы принялись обсуждать *locked-in syndrome*. Прежде всего, это редкость. Утешительного тут мало, но шансов угодить в эту дьявольскую ловушку столько же, сколько выиграть суперприз в лото. В Берке нас всего двое с такими симптомами, к тому же мой L.I.S.³ требует подтверждения. Я в состоянии поворачивать голову, что в принципе не предусмотрено клинической картиной. В большинстве случаев пациенты обречены на растительную жизнь, и потому развитие этой патологии изучено мало. Известно лишь, что если нервной системе вздумается снова заработать, то происходить это будет со скоростью роста волос. Так что пройдет, вероятно, несколько лет, прежде чем я смогу пошевелить пальцами ног.

По сути, вероятных улучшений следует ожидать со стороны дыхательных путей. В долгосрочной перспективе можно надеяться восстановить нормальное, без помощи желудочного зонда, питание, естественный вдох и возможность слабого выдоха, заставляющего вибрировать голосовые связки. А пока я был бы счастливейшим из людей, если бы мне удалось проглатывать излишки слюны, которая постоянно скапливается во рту. Еще не рассвело, а я уже упражняюсь, пытаюсь просунуть язык к заднему нёбу, чтобы вызвать глотательный рефлекс. Кроме того, я посвятил своей гортани пакетики ладана, которые висят на стене. Это приношение по обету, привезенное из Японии моими приятельницами – любительницами путешествовать и к тому же верующими, камень в молитвенном монументе, воздвигнутом моим окружением по воле странствий. На всех широтах ради меня взывали к самым разным духам. Я пытаюсь навести хоть какой-то порядок в этом необъятном движении душ. Узнав, что во имя меня сожгли несколько свечей в бретонской часовне или читали мантру в непальском храме, я сразу же определяю точную цель для этих духовных изъятий. Так, свой правый глаз я препоручил камерунскому марабуту, которого одна моя подруга попросила обеспечить благосклонность африканских богов ко мне. Что касается нарушений слуха, то я полагаюсь на добрые отношения с монахами братства Бордо одной тещи с благочестивым сердцем. Они постоянно молятся за меня, и я порой мысленно проскальзываю в их аббатство, дабы услышать возносящиеся к небу песнопения. Пока все это не принесло особых результатов, но когда семерых братьев этого ордена убили исламские фанатики, у меня несколько дней болели уши. Однако столь высокие покровительства не более чем глиняные бастионы, песчаные стены, линии Мажино по сравнению с коротенькой молитвой, которую моя дочь Селеста по вечерам перед сном обращает к своему Господу. А так как засыпаем мы примерно в одно и то же время, то я отправляюсь в царство снов с этой чудесной поддержкой, которая оберегает меня от всех дурных встреч.

³ Сокр. от «*locked-in syndrome*».

Купание

В половине девятого появляется кинезитерапевт. Спортивная фигура, профиль с римской монеты... Брижит приходит, чтобы заставить функционировать мои руки и ноги, скованные анкилозом. Это называют мобилизацией. Такая воинственная терминология смешит, стоит лишь взглянуть на отощавшее войско: за двадцать недель потеряно тридцать килограммов. Я не рассчитывал на подобный результат, садясь на диету за неделю до случившегося со мной несчастья. Мимоходом Брижит проверяет, не предвещает ли улучшение некое вздрагивание. «Попробуйте сжать мой кулак», – просит она. Иногда у меня появляется иллюзия, будто я шевелю пальцами, и я собираю всю свою энергию, чтобы стиснуть их, но ни один не шелохнется, и она кладет мою безжизненную руку на губчатую подушечку, которая служит ей подставкой. По сути, единственные изменения касаются моей головы: теперь я могу поворачивать ее на девяносто градусов, и мое зрительное поле простирается от шиферной крыши соседнего здания до забавного Микки с высунутым языком, нарисованного моим сыном Теофилом, когда я не мог и рта приоткрыть. В результате упражнений сейчас мы добились того, что мне в рот можно ввести соску. Как говорит невропатолог, требуется много терпения.

Сеанс кинезитерапии заканчивается массажем лица. Своими теплыми пальцами Брижит пробегает по моему лицу – по бесчувственной зоне, которая кажется мне пергаментной, а также по той области, где нервные связи не утеряны, что позволяет мне шевелить бровью. Разграничительная линия проходит через рот, и потому я могу изобразить лишь полуулыбку, что вполне соответствует обычному моему настроению. Например, обычная процедура туалета может вызвать у меня разнообразные чувства.

В один день я нахожу забавным, что в сорок четыре года меня моют, переворачивают, вытирают и пеленают, как грудного младенца, – словно я возвращаюсь в детство. Я даже получаю от этого некоторое удовольствие. Но на другой день все это кажется мне верхом трагедии, и слеза катится в пену для бритья, которую санитар наносит на мои щеки. Что касается ежедневного купания, то оно повергает меня в печаль и в то же время одаривает блаженством. Вслед за чудесным мгновением погружения в ванну быстро приходит тоска по плесканию в воде – роскоши моей подвижной жизни. Я подолгу нежился в ванне с чашкой чая или стаканом виски, с хорошей книгой или газетой, переключая воду пальцами ног. Вспоминая эти былые удовольствия, я с особой мукой осознаю свое нынешнее положение. К счастью, останавливаться на этом времени нет. Меня, дрожащего от холода, уже везут в палату на каталке, не уступающей удобством доске факира. К половине одиннадцатого надо быть полностью одетым и готовым спуститься в реабилитационный зал. Отказавшись принять рекомендованную здесь отвратительную спортивную одежду, я возвращаюсь к своему тряпью запоздалого студента. Подобно купанию, мои старые свитеры могли бы вызвать у меня мучительные воспоминания, но я вижу в них скорее символ жизни, которая продолжается, и доказательство того, что я все еще хочу оставаться самим собой. Конечно, я пускаю слюну, но почему бы не на кашемир?

Алфавит

Я очень люблю буквы алфавита. Ночью, когда становится чересчур темно и виднеется лишь маленький световой индикатор телевизора, гласные и согласные танцуют для меня под мелодию фарандолы Шарля Трене⁴: «О Венеции, сказочном городе, нежную память храню...» Рука об руку они пересекают палату, кружат возле кровати, проходят мимо окна, выются по стене, доберутся до двери и снова пускаются в путь.

E S A R I N T U L O M D P C F B V H G J Q Z Y X K W

Кажущийся беспорядок этого веселого шествия не случаен, а искусно высчитан. Это, скорее, не алфавит, а хит-парад, где каждая буква находит свое место в зависимости от частоты ее повторения во французском языке. Так, «Е» красуется во главе, а «W» цепляется в конце, чтобы не оторваться от группы. «В» дует, недовольная тем, что ее отодвинули и поставили рядом с буквой «V», с которой постоянно путают. Горделивая «J» удивляется, что оказалась так далеко: это она-то, с которой начинается столько фраз! Раздосадованная тем, что позволила захватить место букве «Н», толстуха «G» выглядит рассерженной, а неразлучные «Т» и «U» радуются, что опять оказались вместе. Такие перестановки имеют важное основание: облегчить задачу всех тех, кто хочет попытаться общаться со мной.

Система довольно примитивна: мне перечисляют буквы (вариант «ESA...»), пока я, моргнув глазом, не остановлю своего собеседника на той букве, которую он должен записать. Если нет ошибки, довольно быстро получается целое слово, затем фраза, более или менее вразумительная. Но это теория, способ употребления, пояснительная записка. А существует реальность, страх одних и здравый смысл других. Далеко не все равны перед кодом, как еще называют такой способ перевода моих мыслей. Любители кроссвордов и игроки в скрабл имеют преимущества. Девушки справляются лучше, чем юноши. Некоторые, в силу приобретенного навыка, знают игру наизусть и даже не пользуются уже священной тетрадью – отчасти кратким справочником, напоминающим порядок букв, отчасти блокнотом, куда, подобно оракулам какой-нибудь пифии, заносят все мои слова.

Впрочем, я задаюсь вопросом, к каким выводам придут этнологи трехтысячного года, если пролистают эти записи, где найдут вперемешку на одной и той же странице такие фразы, как «Кине беременна», «Особенно в ногах», «Это Артур Рембо» и «Французы действительно играли как свиньи». Причем все перемежается малопонятной неразберихой, плохо составленными словами, пропущенными буквами и беспорядочными слогами.

Люди впечатлительные путаются скорее. Слабым голосом они торопливо перебирают алфавит, записывают наудачу несколько букв и при виде бессвязного результата восклицают: «Я – ничтожество!» В конечном счете это действует успокаивающе, потому что они берут на себя ответственность за всю беседу и нет необходимости подгонять их.

Я больше опасаясь уклончивых. Если я спрашиваю их: «Как дела?», они отвечают: «Хорошо» – и тотчас снова передают мне слово. С ними алфавит становится похож на заградительный огонь, и надо иметь наперед два или три вопроса, чтобы не потерять головы.

Трудаги никогда не ошибаются. Они тщательно записывают каждую букву и не пытаются проникнуть в тайну фразы до того, как она закончена. И уж конечно, речи нет, чтобы дополнить какое-нибудь слово. Голову готов дать на отсечение, что они по собственному почину не добавят «он» к «чемпи», «мный» у них не последует за «ато», а окончание «мый» не появится само собой в конце «нескончае» и «невыноси». Такая медлительность делает процесс довольно

⁴ Шарль Трене (1913–2001) – французский певец и автор песен.

надоедливым, но, по крайней мере, удастся избежать искажения смысла, в котором увязают импульсивные люди, когда не удосуживаются проверить свою интуицию. И все-таки однажды я понял поэтичность таких умственных игр, когда в ответ на мою просьбу об очках у меня тонко поинтересовались, не собираюсь ли я играть в очко...

Императрица

Немного во Франции осталось мест, где все еще чтят память императрицы Евгении. В просторной галерее Морского госпиталя, где каталки и инвалидные кресла могут передвигаться одновременно в пять рядов, целая витрина напоминает о том, что супруга Наполеона III была покровительницей этого заведения. Двумя основными достопримечательностями миниатюрного музея являются белый мраморный бюст, во всем блеске молодости воссоздающий облик свергнутой правительницы, которая умерла в девяносто четыре года – полвека спустя после того, как пала Вторая империя, – а также письмо, где помощник начальника беркского вокзала рассказывает директору газеты «Корреспондан маритим» о коротком императорском визите 4 мая 1864 года. Легко можно представить себе молодых женщин, сопровождающих императрицу, веселый кортеж, следующий по городу, и маленьких пациентов госпиталя, которых представляют их именитой покровительнице. В течение некоторого времени я ни разу не упустил случая поклониться этим реликвиям.

Раз двадцать я перечитал рассказ железнодорожника. Мысленно я присоединялся к щебечущей группе фрейлин и, как только Евгения переходила из одного здания в другое, следовал за ее шляпой с желтыми лентами и зонтиком из тафты, вдыхая сопровождавший императрицу аромат одеколона, созданного придворным парфюмером. Однажды в очень ветренный день я даже осмелился приблизиться и спрятал голову в складках ее белого газового платья с широкими атласными полосами. Это было сладко, как взбитые сливки, и свежо, словно утренняя роса. Императрица не оттолкнула меня. Она провела пальцами по моим волосам и ласково проговорила с испанским акцентом, похожим на акцент невропатолога: «Ничего не поделишь, дитя мое, надо быть очень терпеливым». Это была уже не императрица французов, а божественная утешительница вроде святой Риты, спасительница в безнадежных делах.

А потом как-то во второй половине дня, когда я поверял свои печали пред ее ликом, между нею и мной возникла неведомая фигура. В витрине отразилось лицо мужчины, казалось, побывавшего в бочке с диоксином. Перекошенный рот, искривленный нос, всклокоченные волосы, исполненный ужаса взгляд. Один глаз был зашит, а другой таращился, будто глаз Каина. С минуту я вглядывался в расширенный зрачок, не понимая, что это попросту я сам.

И тут меня охватила странная эйфория. Я не только был сослан, парализован, нем, наполовину глух, лишен всех удовольствий и доведен до состояния медузы, но, кроме того, оказалось, что и вид мой ужасен. На меня напал безумный нервный смех, который в конце концов приводит к катастрофе, если вслед за последним ударом судьбы человек решает считать все шуткой. Поначалу мои хрипы озадачили Евгению, но потом она поддалась заразительности моего веселья. Мы хохотали до слез. Тут муниципальный духовой оркестр заиграл вальс, и я был так резв, что охотно встал бы, чтобы пригласить Евгению танцевать, если бы это было уместно. Мы кружились бы на километрах плиточного пола. Теперь, когда после этих событий я попадаю в просторную галерею, то вижу, с какой милой усмешкой смотрит на меня императрица.

Чинечитта⁵

Для шумных сверхлегких самолетов, пролетающих над Опаловым побережьем на стометровой высоте, Морской госпиталь является захватывающим зрелищем. С его массивными замысловатыми формами, высокими стенами из коричневого кирпича в стиле домов Севера, он кажется выброшенным на берег посреди песков между городом Беркоми и серыми водами Ла-Манша. На фронте самого красивого фасада, точно так же, как на общественных банях и коммунальных школах столицы, можно прочесть: «Город Париж». Созданное при Второй империи для больных детей, которые из-за климата не могли окрепнуть в парижских больницах, это учреждение сохранило свой экстерриториальный статус. Если в действительности вы находитесь в Па-де-Кале, то в отношении государственного попечительства оказываетесь на берегах Сены.

Соединенные бесконечными коридорами, госпитальные здания образуют настоящий лабиринт, и нередко можно встретить пациента «Менара», заблудившегося в «Сорреле»: имена известных хирургов служат для обозначения основных помещений. Несчастные, с испуганными глазами ребенка, которого только что оторвали от матери, дрожат на своих костылях, не уставая трагически повторять: «Я заблудился!» Я же – один из соррелей, как говорят санитары? – ориентируюсь довольно хорошо, чего нельзя сказать о приятелях, которые перевозят меня. У меня вошло в привычку стоически сносить ошибки неофитов, когда мы следуем неверным путем. Таким образом может представиться случай обнаружить неведомый закоулок, увидеть новые лица, уловить мимоходом запах кухни. Так, в самом начале, едва выйдя из тумана комы, я, когда меня везли в инвалидном кресле, наткнулся на маяк. Он предстал передо мной на повороте лестничной клетки, где мы заблудились, – статный, крепкий и внушающий доверие, в своем наряде с красными и белыми полосами, похожем на майку регбиста. Я сразу же отдал себя под покровительство братского символа, который оберегает моряков, а также больных – этих потерпевших крушение бедолаг одиночества.

Мы с ним постоянно встречаемся, я часто посещаю его, когда прошу доставить меня в Чинечитту – так я называю всегда безлюдные террасы флигеля «Соррель». С этих выходящих на юг широких балконов открывается панорама, полная поэтического очарования и похожая на кинодекорации. Предмесья Берка выглядят как декорация для сцены с электропоездом. Несколько строений у подножия дюн создают иллюзию деревни Дальнего Запада. Что же касается моря, то его пена до того бела, что кажется результатом спецэффектов.

Я мог бы целые дни проводить в Чинечитте. Там я становлюсь величайшим режиссером всех времен. Со стороны города я вновь снимаю первый план «Печати зла»⁶. На берегу я опять делаю тревелинг «Дилижанса», а в открытом море воссоздаю натиск контрабандистов в «Лунном свете»⁷. Или я растворяюсь в пейзаже, и тогда ничто не соединяет меня с миром, кроме дружеской руки, ласкающей мои окоченевшие пальцы. Я – безумный клоун с раскрашенным синей краской лицом и связкой динамита вокруг головы. Искушение чиркнуть спичкой проносится в мыслях, как облако. А потом наступает час, когда день уже клонится к закату, когда отходит последний поезд на Париж, когда надо возвращаться к себе в палату. Я жду зимы. Надежно укутанные, мы сможем оставаться здесь дотемна, смотреть, как садится солнце, как его сменяет маяк, посылая лучи надежды во всех направлениях.

⁵ Чинечитта – киногородок в предместьях Рима.

⁶ «Печать зла» («Touch of Evil», 1958 г.) – фильм американского режиссера Джорджа Орсона Уэллса.

⁷ «Дилижанс» («Stagecoach», 1939 г.) – фильм американского кинорежиссера, мастера вестерна Джона Форда; «Лунный свет» («Moonfleet», 1955 г.) – фильм немецкого режиссера Фрица Ланга.

Туристы

Сразу после окончания войны Берк принял маленьких жертв последних губительных набегов туберкулеза, но затем постепенно утратил свое прежнее назначение. Теперь там, скорее, сражаются с возрастными бедствиями, с неминуемым разрушением тела и разума, но геритатрия – это лишь фрагмент картины, дающей точное представление о клиентуре заведения. На одном ее краю около двадцати больных в постоянном коматозном состоянии, бедняг, погруженных в бесконечную ночь у врат смерти. Они никогда не покидают своей палаты. Каждый, однако, знает, что эти люди там, и это странным образом угнетает сообщество, словно нечистая совесть. На противоположном конце, рядом с колонией пораженных слабоумием стариков, можно увидеть страдающих ожирением людей с растерянным взглядом, чьи внушительные антропометрические данные медицина надеется сократить. В центре – впечатляющий батальон покалеченных, который образует основную часть войска. Пострадавшие в спорте, в дорожных катастрофах и самых разнообразных домашних происшествиях, какие только можно себе вообразить, они на время попадают в Берк, дабы восстановить свои раздробленные конечности. Я называю их туристами.

Наконец, чтобы дополнить это живописное полотно, надо отыскать закоулок, куда поместить нас – пернатых со сломанными крыльями, попугаев без голоса, вестников несчастья, свивших свое гнездо в тупиковом коридоре неврологического отделения. Я прекрасно сознаю то легкое чувство беспокойства, какое мы, неподвижные и безмолвные, вызываем у менее обездоленных больных.

Для наблюдения за этим явлением нет лучшего места, чем кинезитерапевтический зал, где на реабилитацию собираются все пациенты. Это настоящий Двор чудес, шумный и красочный. Среди перестука костылей, протезов и прочих более или менее сложных устройств твоим соседом может оказаться молодой мужчина с серьгой, разбившийся на мотоцикле, бабуся в просвечивающем халате, которая заново учится ходить после падения со скамеечки, и бродяга с оторванной в метро ступней (никто так и не понял, как ему удалось это проделать). Вся эта компания, выстроенная в ряд, под небрежным наблюдением персонала двигает руками и ногами, в то время как меня прикрепляют к наклонной поверхности, которую постепенно переводят в вертикальное положение. Таким образом, по утрам в течение получаса я зависаю, словно застыв по стойке по стойке смирно, и, наверное, похожу на статую Командора, появляющуюся в последнем акте моцартовского «Дон Жуана». А внизу народ смеется, шутит, перекликается. Я тоже хотел бы поучаствовать в этом веселье, но стоит мне посмотреть на них своим единственным глазом, как молодой человек, бабуся, бродяга разом все отворачиваются, испытывая неотложную потребность созерцать закрепленный на потолке датчик противопожарной сигнализации. Должно быть, «туристы» страшно боятся огня.

Колбаса

Ежедневно после сеанса вертикализации санитар привозит меня из кинезитерапевтического зала и ставит рядом с моей кроватью, дожидаясь, когда помощники придут снова уложить меня. И так как к тому времени уже наступает полдень, санитар нарочито жизнерадостно бросает мне: «Приятного аппетита», прощаясь до завтра. А это все равно что 15 августа пожелать счастливого Рождества или в разгар рабочего дня доброй ночи! За восемь месяцев я проглотил всего несколько капель воды с лимонным соком и пол-ложки йогурта, который чуть не заблудился в дыхательных путях. Эксперимент по кормлению, как с пафосом называли эту трапезу, оказался малоубедительным. Но не беспокойтесь, от голода я не умираю. С помощью соединенного с желудком зонда две или три склянки коричневатой субстанции ежедневно доставляют мне необходимую порцию калорий.

Ради удовольствия я пытаюсь оживить в памяти вкусы и запахи – неистощимый запас ощущений. Кто-то мастерски готовит пищу, я же умею тщательно подбирать и готовить свои воспоминания. Можно сесть за стол в любое время без всяких церемоний. Нет нужды заказывать столик в ресторане. Если я готовлю блюда сам, то они непременно удаются. Всегда сочная говядина по-бургундски, мясо в прозрачном желе и торт с абрикосами, в меру кисловатый. В зависимости от настроения я угощаю себя дюжиной улиток, свининой с картофелем, кислой капустой и бутылкой золотистого гевюрцтраминер позднего разлива или просто яйцом всмятку с ломтиками хлеба, смазанными соленым сливочным маслом. Какое наслаждение! Яичный желток обволакивает небо и горло своей теплой расплавленной массой. И никогда не возникает проблем с пищеварением. Разумеется, я использую лучшие продукты: самые свежие овощи, только что выловленную рыбу, мясо с хорошими прослойками жира. Все должно быть приготовлено по правилам. Для большей верности один друг прислал мне рецепт настоящей сосиски из Труа, которая готовится из трех различных видов мяса, кусочки которого переплетаются как ремешки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.